

ПОИСКИ НОВОГО ЯЗЫКА В ФИЛОСОФИИ

Жан-Люк Нанси

ПСИХОАНАЛИЗ*

То, что психоанализ представляет – не что он действительно делает или что предполагается под этим названием, – но что он отмечает в нашем пейзаже с его превалированием желания, так это строгая расстановка интервалов чистой истины, т. е. чистое устранение смысла. Без сомнения, мы поймём, что он был необходимым очищением от излишков смысла, излишков требований смысла и что, раз он сыграл эту роль, психоанализ приступит к отличному от того, нежели то, что он еще представляет¹.

Своеобразие психоанализа – придающее ему всю его разрушительную силу и эпохальный размах – состоит в том, что он открыл мир мысли, который априори растворяет смысл, который не просто располагает смысл вне истины или вне строгости *понятий* (как это могли предполагать даже во времена Фрейда, других венцев), но который принципиально смещает смысл, выпроваживая его по своему требованию и оставляя истину как мешающую этому требованию.

«Бессознательное», на которое пролил свет Фрейд, само по себе не раскрывает некий другой смысл. Это дело *учения* [doxa], которое возникает при вульгарном понимании влечения, сексуальности, фантазматического, архетипического и т. п. Но «бессознательное» обозначает – и Лакан это прекрасно понимал – неистощимое, нескончаемое изобилие значений, которые не организованы вокруг одного смысла, но происходят из вихревого или броуновского означивания вокруг пустой точки дисперсии и которые движутся все одновременно, конкурентно сходясь в одной точке и устремляясь в противоположных направлениях, не имея никакой иной цели или перспективы, кроме пустоты истины, временно и ненадёжно скрываемой тонкой кожей некоего «я».

Таким образом, то, что Фрейд как наследник романтической традиции неловко назвал «бессознательным», вовсе не является другим сознанием или негативным сознанием, – это целый мир. Бессознательное – это мир как тотальность означиваемости, упорядоченной не чем иным, как собственной открытостью. Для психоанализа эта открытость не открывается в ничто, и именно это необходимо поощрять и поддерживать. Еще и в этом свидетельство психоанализа о том, что касается «конца философии», непогрешимо и неопровержимо. К тому же у меня нет ни малейшего намерения настаивать на том, что необходимо заполнить зияющую пустоту этого «ничто» некой новой истиной. Вопрос скорее в том, как понимать само это «ничто». Или это пустота истины, или это не что иное, как сам мир и смысл бытия-в-мире. Каков же этот *мир* для психоанализа?

Поскольку психоанализ принципиально несет себя под знаком терапии – что бы ни понималось под этим словом и как бы далеко это ни было от нормализации и «самоуспокоения» – но т. к. он просто ничего в мире не определяет как нормальное или здоровое состояние, на которое ориентировалось бы его действие, психоанализ не может быть понят просто как терапия внутри мира;

* Печатается с любезного разрешения автора. Перевод выполнен по изданию: Nancy J.-L. *Le sens du monde*. Paris: Editions Galilée, 1993.

¹ Лакан понимал это, даже если воздерживался от того, чтобы понимать (или говорить?), что он это понял.

не может он избежать и того, чтобы быть терапией самого мира, *всего мира*. Может показаться, что на это «Массовая психология и анализ Я» и «Неудобства культуры» отвечают признанием в бессилии. Но это то, что мы должны, вероятно, сегодня понимать по-другому: мир не неизлечим, он не подлежит лечению, поскольку является пространством, где *смысл начинается* или *изобретает себя* по ту сторону истины и вследствие «ответственности истины», к которой должно вести аналитическое действие².

Вступление или изобретение смысла, «ввод смысла», как говорил Ницше, — это открытие мира, мира *кого-то* («субъекта», как полагают лаканианцы), поскольку этот *кто-то*, а именно каждый, создаёт мир настолько, насколько он в мире. Речь идёт о том, что «субъект присваивает свой мир и делает его “миром”, овнешняя его»³. Но для этого этот *кто-то* должен иметь доступ к *миру*. «Субъект» не может создать мир, создать смысл, если он не может выставить себя напоказ миру всех монадических миров, в мирность [mondialité] как таковую. Этот доступ имеет место не только через истину. Должен быть ещё один шаг — шаг за пределы анализа, шаг анализа за пределы самого себя.

Психоанализ останавливается на пороге мира: это не его дело, но дело *кого-то*. Поэтому он рассматривает лишь мир *холодного смысла*, согласно расстановке интервалов истины. И нет сомнения, что этот *равнодушный смысл*, нечувствительность к смыслу является предварительным и необходимым условием доступа к миру. Но что эта холодность отрицает, она же и признает: истина есть то, что она есть, через опространствование в мире. Здесь движение анализа приостанавливается, то движение, которое позволило бы ему подняться над медициной и открыть себя письму или праксису. Так как этот мир является общим, он есть прежде всего «некто», он поддерживает это нечто, принадлежащее каждому (*l'un de chaque un*), только при условии существования до и после него, его предвосхищения и его продолжения. Возможно, следует сказать: *даже до уз, присущих Закону, существует сплетение мира*. Ещё до символического уже есть это опространствование, без которого ни один символ не сможет символизировать: есть бытие-вместе [être-en-commun], мир.

Это бытие-вместе и есть дело психоанализа (это «бессознательное»), именно поэтому психоанализ является свидетельством или особым симптомом конца мира-космоса и рождения *мира*. Мир — это не «Другой» и это не «Закон». Это более древняя инаковость, чем Другой, и более древнее законодательство, чем Закон, даже если нет «мира» без одного или другого. Он восходит к изобретению более архаическому, к изобретению *смысла* — что есть имя символического в создающей его вспышке. Ибо то, что Лакан назвал «символическим», очевидно не является прежде всего структурой в смысле некой конструкции, а тем более в смысле опространствования и дифференциальных игр (где «игра» берется скорее в ее механическом, нежели игровом значении). Если символическое структурирует, оно не структурировано. Оно есть переход, передача, разделение как раз того, *что имеется*, или того, что

² Как говорит об этом Мустафа Сафуан в «Речи или смерти» [Moustapha Safouan. La Parole ou la Mort. Paris: Seuil, 1993. P. 40], в работах которого слово «смысл», тем не менее, приобретает смысл «значения». Вспомним слова Фрейда из работы «Неудобства культуры»: «Пока речь идёт об индивидуальном неврозе, опорой нам служит контраст между больным и его “нормальным” окружением. Такой фон отпадает, когда мы имеем дело с однородно аффицированной массой, его нужно искать в чём-то ином. Что же касается терапии, то даже самый приближённый к реальности анализ социального невроза ничем бы не помог — кто располагает таким авторитетом, чтобы принудить массу лечиться? Несмотря на все эти затруднения, следует ожидать, что однажды кто-нибудь отважится на изучение патологии культурных сообществ» (цитируется по пер. А.М.Руткевича).

³ Claude Rabant. Inventer le réel. Paris: Denoël, 1992. P. 251.

могло бы быть посредством перехода, передачи, разделения (знаки, значения, сигналы, жесты, молчания, аффекты, дефекты, контакты, разрывы...). Переход к ничто, участие в ничто, если угодно, но это *ничто* не имеет или имеет не только эту *плотность ничто*, которая часто появлялась не в одном аналитическом дискурсе всего лишь для того, чтобы её тут же судорожно взяли под конвой *истины*. В этом «ничто» существует не-плотность смысла, означивания смысла. Символическое символического, истина истины – вот что смысл, не связанный, связывает сам, каждый раз, для каждого *кого-то*, причем во всех смыслах⁴. *Все, что есть осмысленного [sensé] в смысле – и психоанализ имеет все шансы узнать это – состоит в том, что смысл возникает лишь в противопоставлении осмысленного и бессмысленного.*

* * *

« [...] вы переживёте меня и позволите мне жить в Вашей доброй памяти – единственной форме доступного нам бессмертия, которую я признаю.

Если кто-то спрашивает о смысле и ценности жизни, он болен, ведь объективно ни того, ни другого не существует; этим признается лишь, что есть резерв неудовлетворенного либидо, к которому должна присоединиться другая вещь, некий вид брожения, который ведет к скорби и депрессии. [...] У меня в голове вертится одна реклама, которая кажется мне самой дерзкой и удачной из всех американских реклам: “Зачем жить, если тебя можно похоронить всего за десять долларов?”⁵.

Вот *истина* Фрейда: сам вопрос о смысле уже является патологическим симптомом. Что самим своим существованием это письмо признает и что в равной мере отрицает, так это то, что психоанализ сам *создаёт смысл* только для того, чтобы позволить указать на болезнь смысла...

Но вопрос вовсе не в том, чтобы поймать Фрейда на противоречиях. Верно и то, что вопрос о смысле есть «болезнь». Смысл может создать смысл, только если о нём не спрашивают. *Самое осмысленное из смысла – это то, что будет исключено из разговора о том, о каком смысле говорится.* Это также значит – но речь более не о болезни, – что есть и безумие смысла, предшествующее всякому разуму, без чего никакой разум не был бы возможен.

Перевод с французского Георгия Кармина

⁴ В качестве свидетельства со стороны самого психоанализа я приведу несколько строк из Сержа Леклера [*Serge Leclaire. De l'objet d'une formation sociale. Note sur le nom de rien // Revue internationale de psychanalyse. 1992. № 1. P. 13*]: «Чтобы утверждать некую социальную практику, необходимы ясное и окончательное понимание того, в чём состоит её функция-предмет, и достаточно плотная работа с субъектом бессознательного. В этом и должно состоять образование психоаналитика; он должен стать свидетелем этого признания, осуществить его на деле. Тем не менее, надо признать, что он не всегда сможет уклониться от расхожей мысли, будто необходимо защищать, поддерживать и подкреплять достоинство (*vertus*) символического. Однако пустота, которая именует ничто [«символ является именем этого ничто», – утверждает выше Серж Леклер], вообще не рискует быть заполненной или исчерпанной. Только перверсивное отрицание различий может найти в почитании символического порядка повод для крестовых походов, причину (*prétexte*) для защиты своих рубежей: символический порядок настолько соположен «природе человека», что намерение его защищать от неких катастрофических последствий может исходить только из экзальтированной сублимации своих собственных разрушительных импульсов. Давайте вспомним, что Апокалипсис – это ещё и разоблачение. Речь не идёт о том, чтобы просто обнаружить символическую функцию, но о том, чтобы заставить её работать» (цитируется по пер. Д.А.Ольшанского).

⁵ Письмо к Марии Бонапарт от 13 августа 1937. *Sigmund Freud. Briefe 1873 – 1939. Frankfurt a. Main, S. Fischer, 1980. P. 452.*